

L.A. Golubeva, A.E. Chernokov

ANTROPOLOGY OF LAW: SEEKING NEW METHODOLOGY

Lada Golubeva – Senior Lecturer, the State Law Disciplines Department, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, PhD in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: golubeva.giefpt@yandex.ru.**

Aleksey Chernokov – Professor, the State Law Disciplines Department, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, PhD in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: kaf-gsd@giefpt.ru.**

The article focuses on the process of formation of legal anthropology in modern Russia. It focuses on existing outlooks upon both the subject and the methodology of legal anthropology and performs correlation of the ones with the concepts of legal scholars representing different schools of understanding of law. It is noted that the formation of anthropology of laws in the domestic legal system is closely related to the penetration of European anthropological teachings into Russia.

Keywords: anthropology of laws; methodology of law; General theory of law; paradigm; synergetics; phenomenology.

Л.А. Голубева, А.Э. Черноков

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА: В ПОИСКАХ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: golubeva.giefpt@yandex.ru.**

Алексей Эдуардович Черноков – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: kaf-gsd@giefpt.ru.**

В статье анализируется процесс становления антропологии права в современной России. Рассматриваются существующие воззрения на предмет и методологию антропологии права, осуществляется их соотнесение с концепциями правоведов различных школ правопонимания. Отмечается, что формирование антропологии права в отечественной правовой мысли самым тесным образом зависит от проникновения в Россию европейских антропологических учений.

Ключевые слова: антропология права; методология права; общая теория права; парадигма; синергетика; феноменология.

Приход третьего тысячелетия ознаменовался для человечества не только открытием множества возможностей, но и осознанием множества глобальных проблем, часть из которых была унаследована от предыдущей эпохи. Противостояние глобализации и глокализации, попытки создания универсального социокультурного пространства, построение однополярного мира и фактическая многополярность в регулировании международных отношений – эти и иные тенденции и проблемы непо-

средственно влияют на все сферы жизни общества.

Право как часть социальной реальности в третьем тысячелетии подвержено влиянию как общих, так и частных тенденций в рамках новой эпохи, и, разумеется, сталкивается в своём развитии с множеством новых вызовов и проблем. В данном контексте справедливо отметить такие проблемы, как сложность создания универсальных правовых механизмов, их имплементации в различные национальные пра-

новые системы, противостояние национальных и наднациональных институтов (например, международных и конституционных судов), кризис стандартов защиты субъективных прав и многое другое. Объективная сложность происходящего ставит под вопрос любые практические рекомендации (что отнюдь не говорит об их абсолютной бесполезности), в том числе и в правовой действительности.

Как констатирует И.Л. Честнов, «сложность положения теории права, как, впрочем, и всей юридической науки, состоит в мировоззренческом кризисе, который спровоцирован приходом постмодернизма. Постмодернизм радикализовал тенденции, сопровождавшие науковедение на всем протяжении XX в., и поспособствовал формированию постнеклассической научной картины мира. Будучи критическим мировоззрением, постмодернизм бросает вызов современности, при этом ответа на этот вызов сам постмодернизм, как представляется, дать не в состоянии. Поэтому необходимо формирование содержательно позитивной философии, науковедения, рациональности в постклассической научной картине мира» [5. С. 170].

Соответственно, необходимо четко определить сущность двух эпох (модерна и постмодерна) в контексте эволюции права. Цивилизация модерна формируется в западном мире с конца XVIII столетия и окончательно утверждается к середине XIX в.

Как отмечает Д. Уэст, «рационализация государства и экономики подготавливает почву для значительной трансформации мышления и культуры. <...> Примерно с 1500 г. намечается очевидный разрыв с прошлым, а в самосознании Запада формируется новое ощущение времени. Один из аспектов этого нового сознания заключается в том, что шовинизм, присущий отношению эллинов, евреев, а потом и европейцев к самим себе как высшему сорту людей, перетолковывается через всемирную историю. Поэтому Запад заявляет, что у его институтов и мышления привилегированное отношение к единственной общезначимой рациональности, чем еще больше закрепляются претензии на универсальную

истину, заметные уже в эпикурейской и стоической мысли» [10. С. 25].

С точки зрения рассматриваемой темы эпоха модерна интересна одним важным аспектом эволюции общества, а именно – выходом на сцену «массового человека» или «человека толпы». Как констатирует известный отечественный историк-востоковед Л.С. Васильев, под подобными «массами» следует понимать «маргинальные слои с психологией примитива, которые, причастившись к городскому индустриальному росту буржуазных стран, начали жить лучше, но сохраняли стереотипы, которые диктовали им выражать недовольство кое-чем из того, что позволило им жить лучше. Если вдуматься в то, о чем идет речь, многое из происходившего в Европе в первой половине XX в. станет более понятным. В частности, почему триумф буржуазии, столь ярко проявившийся в предшествующем столетии, особенно во второй его половине, так легко – правда, в необычных условиях жесточайшего кризиса, обостренного мировыми войнами, – сменился торжеством смертоносных тоталитарных режимов с их террором» [2. С. 17].

Наступившая во второй половине XX в. эпоха постмодерна существенно отличается от предшествовавшего периода и характеризуется иными чертами, что выражается в отсутствии ясно выраженных стиливых признаков, очередным кризисом философского познания действительности, стремлении социума к максимальному порядку (отказ от хаоса), преобладание нормативности (её возрождение, преимущественно в разрешительном аспекте), критическом подходе к любой завершённости и определённости, попытках дискредитации имеющихся мировоззренческих систем без цели формулирования собственной «системы координат» и многое другое.

На формирование постмодернизма оказало влияние несколько факторов:

- выведение ряда радикальных заключений из некоторых направлений философии;
- две мировых войны и «холодная» война;
- утрата марксизмом творческого потенциала и интеллектуальной привлека-

тельности;

- новые направления развития искусства [10. С. 325–335].

Поэтому вполне обоснованным выглядит утверждение Б. Губмана о том, что «лейтмотивом постмодернистской культуры философии, предопределяющим в целом ее эволюцию, является утверждение кризиса гуманизма и инспирированной его импульсом культуры». Исследователь возлагает ответственность за разрушение идеи утопии на осознание обществом невозможности создания идеального человека [3. С. 15–16].

Юриспруденция как одна из частей гуманитарного знания в последние годы также оказалась затронута кризисными явлениями (в большей степени в России и в меньшей – в странах Запада). Кризис этот внешне выражается в нескольких формах. Прежде всего, в отечественной правовой науке утеряны идейные ориентиры, распался в прах «государственный нормативизм», возродились концепции, считавшиеся давно забытыми, и активно формируются новые научные школы и направления. При этом попытки теоретической юриспруденции отойти от юридического позитивизма очень часто терпят фиаско либо в связи с несостоятельностью (в силу отрыва от социальной реальности) пропагандируемых парадигм (преимущественно относятся к юснатурализму во многих его проявлениях), либо в связи с банальностью поддерживаемых тезисов в силу их общеизвестности и фактической апробированности (классический позитивизм). Всё это приводит к тому, что теоретическая юриспруденция отходит от исследования правовых явлений и на фоне междисциплинарных подходов к изучению объекта исследования начинает исследовать далеко не юридические феномены, что, в конечном итоге, в ещё большей степени увеличивает разрыв теории и правовой реальности.

Юридическая мысль Запада, все еще во многом основанная на идеях европоцентризма, также не смогла дать адекватные ответы на запросы времени. Право как регулятор общественных отношений достаточно консервативно, и сам социум должен контролировать его состояние и эволюцию.

В то же время, в условиях постмодерна право уже нельзя рассматривать как регулятор отношений исключительно в отдельно взятом социуме. Разумеется, это не всегда удастся. Известный отечественный социолог А.А. Зиновьев, безусловно, прав, констатируя тот факт, что вся социальная реальность не может быть подвержена нормативному воздействию со стороны правовых институтов даже несмотря на то, что общество перманентно стремится к этому [4. С. 572]. Часто право не успевает адаптироваться в условиях кризиса социальных институтов, а в исторически значимые моменты (так называемые точки бифуркации) может абсолютно утрачивать свою нормативную ценность.

В принципе – это действительно так. Урегулировать с помощью права все возникающие проблемы невозможно, да и не нужно. Общество часто само находит пути разрешения сложных ситуаций, причем используются спонтанные решения, оформившиеся по воле случая либо имеющие синергетическое происхождение. Кроме того, значительную роль играет различное правопонимание, уникальное в рамках отдельных цивилизаций. К сожалению, отечественная теория права практически не исследовала этот аспект юриспруденции, что, конечно, обедняет наши знания о месте права в том или ином регионе. Существующие принципиальные противоречия между социокультурными и нормативными стереотипами поведения различных народов во многом порождены отсутствием достоверной информации о многообразии духовной жизни за пределами собственной страны. Особенно настораживает пренебрежительно-самодовольное отношение американской юриспруденции (и в несколько меньшей степени – европейской) к правовым традициям незападного мира. Периодически слышатся поучения и прослеживаются попытки навязать «единственно верный» путь развития.

Разумеется, полезные заимствования еще никому не приносили вреда и могут только приветствоваться, однако некритическое перенесение на неподготовленную почву рецепированных институтов и норм ведет к их нежизнеспособности и порождает

ет кризис правопонимания и правосознания. Необходим длительный и заинтересованный диалог между различными правовыми культурами и типами правопонимания и мышления, а не назидательный монолог. Для успешного познания современной «сферы юридического» исследователь должен, видимо, обращаться не только к устоявшемуся, «классическому» методологическому инструментарию, но и активно использовать достижения постклассической теории права.

С позиций социально-антропологического измерения права «цивилизованный человек не «изобрел» свою правовую культуру. Напротив, она сложилась в обществе естественноисторическим (стихийным) путем в интересах единообразной регламентации жизни представителей различных профессиональных групп. Подобная функция законодательства требовалась цивилизованному социуму разделенного труда, чтобы не распасться. По этой социально-исторической причине юриспруденция была как бы навязана цивилизованному человеку, с его точки зрения, извне [6. С. 344].

В последнее десятилетие наличие социокультурных аспектов права отмечают даже некоторые отечественные позитивисты и приверженцы «материалистического» взгляда на юриспруденцию [8. С. 17–18].

Существование различных точек зрения о сущности права обусловлено, прежде всего, наличием устоявшихся школ правопонимания со своим методологическим инструментарием и восприятием природы теоретической юриспруденции. Так, по мнению В.М. Сырых (представляющего марксистское правоведение), «предмет общей теории права представляет собой систему обычных закономерностей права как тотального целого, а также социологических, экономических, политических закономерностей, которые влияют на действие и развитие права, его закономерностей, и систему закономерностей познания предмета данной науки» [9. С. 93]. В таком изложении может показаться, что право представляет собой нечто объективное, вечное и практически неизменное. Однако право не имеет собственной истории, как

социальное явление и регулятор отношений между людьми оно, тем не менее, неразрывно связано с его судьбой (именно эту связь и изучает юридическая антропология).

В рассматриваемом нами контексте сущности юридической науки следует, видимо, прислушаться к суждению Г.В. Мальцева о том, что «юридическая наука никогда не была и не могла стать образцовой наукой, сколько ни старались представители юридического позитивизма зажать ее в «поле научной рациональности». Некоторое время юриспруденция искренне стремилась превратиться в чистую науку, но из этого ничего не вышло. Дело в том, что ее предмет – право – имеет сложное онтологическое строение, включающее в себя разнородные элементы – предметную и умопостижимую реальность, нормы и факты, материальные и идеальные комплексы явлений. Научная рациональность продуктивна там, где изучаются факты, предметы, материальные объекты, но она практически ничего не дает, когда речь идет о постижении норм, ценностей, идеальных объектов» [7. С. 75–76].

Юриспруденция, изучая различные типы правопонимания, по объективным причинам должна использовать самые разнообразные методы познания правовой реальности. Сама по себе философско-правовая методология – «систематизированная совокупность отрефлектированных познавательных средств, позволяющих исследовать правовую реальность в ее разнообразных связях с мировым бытием. Взятая в целом, методология складывается из ряда конкретных методов, выявивших свои сильные и слабые стороны при решении реальных познавательных проблем» [1. С. 460].

Все существующие методы познания можно традиционно классифицировать по объему на всеобщие, общенаучные, частнонаучные и специальные. Основное внимание привлекает именно категория всеобщих методов как своего рода философских подходов к познанию сути явления, определения вектора изучения, «направление взгляда» исследователя. Использование того или иного всеобщего метода позволя-

ет рассматривать явления с точки зрения конкретной позиции, но остановка лишь на одном из них заведомо обрекает необъективные результаты исследования (хотя говорить об объективности исследования, в социальных науках, конечно, сложно априори).

Проблему отсутствия объективности возможно решить с помощью комплексности использования всеобщих методов, исключая «зашоренность» взгляда исследователя как приверженца конкретного направления научной мысли. Проблема взаимозависимости социальных явлений как отражение отклика общества на происходящие в нем изменения требует привлечения возможностей всех методов, позволяя раскрывать не только характеристики того или иного явления с точки зрения его содержания, но и выявить особенности этого конкретного явления в отдельно взятом обществе. Важнейшая характеристика социальных явлений требует учета и взаимосвязи этих явлений между собой – как внутри самой системы «явление», так и с учетом взаимодействия этой системы с теми, элементом которых данное явление выступает. Отказ от учета такого взаимовлияния катастрофичен, поскольку порождает неадекватные для данного общества последствия, в частности, государственных и правовых реформ. Правовые заимствования в целом опасны при условии наделения знаком идеала ценностей чуждого общества и представлении иных принципов в качестве «нецивилизованных», «отсталых» и аналогичных ярлыков. К таким ярлыкам сегодня уже можно относить и лозунги демократии, используемые для обеспечения политического и экономического господства определенных государств.

Антропология права, признавая право общества на самостоятельную исторически сформированную потребность, отвечающую требованиям сегодняшнего дня, сталкивается с аргументом о необходимости «мира во всем мире», обеспечиваемого едиными требованиями к правовой и политической реальности. Однако возможна ли данная универсализация? История из раза в раз показывает несостоятельность данной позиции, не предоставляя на сегодняшний

день адекватных примеров, что возвращает нас к позиции невозможности стандартизации человека как социальной единицы и общества в целом (а следовательно, и социальных явлений, порождаемых этим обществом) и напоминает о необходимости учета теории вероятности при реализации одинаковых решений в разные моменты времени или в разных обществах.

При этом если значимость ретроспективного анализа или социологического анализа общественного мнения становится все чаще используемой при проведении юридических исследований, то в отношении иных данных наблюдается игнорирование. Важная проблема современной юриспруденции заключается также и в отказе взаимодействия с другими циклами наук – гуманитарное знание редко обращается к точным и естественным наукам в поиске аргументации или анализе наступивших последствий, хотя важность такого синергетического учета несомненна.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 1081 с.
2. *Васильев Л.С.* Всеобщая история. Т. 5. От Нового времени к современности. М.: КДУ, 2013. 680 с.
3. *Губман Б.* Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 536 с.
4. *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 639 с.
5. История и методология юридической науки / под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. СПб.: Изд-во СПбИВЭСЭП, 2014. 560 с.
6. *Клягин Н.В.* Современная антропология. М.: Логос, 2014. 624 с.
7. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
8. *Сырых В.М.* История и методология юридической науки. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
9. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М.: РАП, 2000. 512 с.
10. *Уэст Д.* Континентальная философия. Введение. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 448 с.